

КАЖДА ЖИЗНИ.

Это было в 1938 году. Мне пришлось отбывать хотя и незаслуженный срок на дальнем востоке. За мной шёл формуляр гласивший двадцать лет тюремного заключения с последующим поражением прав на пять лет. После всех мытарств по этапам от гор. Семипалатинска до Комсомельска на Амуре в товарных вагонах нагруженных как сельди в бочку, без горячего питания. в удушающей атмосфере. от нашего эшелона осталось пятьдесят процентов еще способных двигаться без посторонней помощи. нас направили на Колыму. Я пока обожду все мытарства которые пришлось испытать в пути Это может быть напишу потом, а сейчас расскажу о том как с отмороженным большим пальцем на правой руке я попал в Западное горное управление Строительства Дальнего Севера, прииск Ударник. В третьем лагпункте куда меня направили насчитывалось около восьми тысяч человек. Названный лаг пункт только что организовывался. Мы наскоро разбили брезентовые палатки. Из нетесаных крутых жердей настелил сплошные нары. на нарах ни чего не было. Лежались там где успели занять. Постелью одеялом и подушкой служил единственный бушлат в котором мы ходили на работу. Мы долбили уклонный штрек в будущую шахту. Мы были обязаны на каждого члена бригады отбить в ручную кайлом и ломом в вечной мерзлоте три кубометра земли с уборкой её из штрека. за что нам полагалось восемьсот грам сырого ржаного хлеба. На завтрак половина селедки и болтушка из ржаной муки. Чашек под болтушку не было, мы получали её кто во что мог: кто в кружку кто в консервную банку найденную в мусорной куче, кто ел консервы нам неизвестно, в нашем рационе их не было, мы радовались пустым банкам потому, что в них могли получать баланду. Работали без обеда четырнадцать часов, после чего приходили в лагерь, на ужин снова получали пол селедки и ржаную баланду. Хлеб получали в зависимости от выполнения нормы. За выполнение меньше пятидесяти процентов нормы полагалось хлеба триста грамм за пятьдесят проц. четыреста грам за восемьдесят проц. шестьсот. На ужин отводился час. После ужина требовали всех на проверку на улицу с собой взять рукавицы. За невыход на проверку карцер. На улице нас выстраивали в два ряда и тут начиналась сертировка. Староста лагеря, Мы звали его начальник банителли", здоровенный дедина: по формуляру, по складу и физиономии староста всегда был из бандитов, поэтому в лагерной жизни некоторое нисхождение от старосты имели блатные, то есть бандиты вори хулики и аферисты. по ст. ст. ст. девятая. ст. шестнадцатая, ст. сорок первая. ст. тридцать девятая и пятьдесят девять три, Пятьдесят восемь не зависимо от пункта называли рогатиками чертями они не имели права ни на какие льготы. А у меня в формуляре записано чер-



ным по белому двадцать лет ТФТ. Тяжёлый физический труд. К таким снхождению не полагалось, норма не снижалась и больным. Бригада у нас создавалась работающая, дружная и при всём желании её не подвести норму выполнять я не мог. От каждого удара кайлом по мерзлему грунту у меня темнело в глазах от боли отмороженного пальца, Несколько раз я терял сознание. В бригаде нас было двенадцать человек, больных нас трое у одного болела нога второй не мог ни согнуться не разогнуться от боли в бедре у меня палец. но бригада обязана была дать тридцать шесть кубометров, по этому остальные девять человек обрабатывали и нас. Наш бригадир не заурядный парень искал выхода для облегчения труда, Ему удалось договориться с десятником применить взрывчатку. Взрывники находились тут же от нечего делать слонялись по штреку, дополнительно к нашим мы добыли еще несколько ломов и решили их накалывать в костре что бы горячими ломами бурить мерзлый грунт. нас менее трудоспособных бригадир отправил заготавливать и носить сухостой из леса. Лес находился в полукилометре от штрека и им за смену могли сходить по шесть раз, Я оказался заготовителем дров. Горячие ломы легче врезались в мерзлый грунт пробурив несколько скважин все уходили из штрека. взрывники закладывали амонал и производили взрывы, <sup>бригада</sup> мы стали перевыполнять норму, Мы старались больше наносить дров, что бы наша бригада могла работать без перебоев. Наша тропинка по которой мы ходили за сухостоем проходила в близости раведочного шурфа. Шурф около шести метров глубиной квадратный полтора на полтора метра. Он был слегка заперешён снегом. Его края чуть приподнимались над тропинкой с которой снег выдуло ветром. я шёл уже шестой раз, на последний раз перед отдыхом мне захотелось взять по больше дров с этим намерением я отобрал три довольно толстые жерди метра по три в длину и с ними пустился в путь, меня слегка покачивало от тяжести, но мысль что сегодня рабочий день уже кончается и больше идти в лес не придётся пересиливая усталость я подвигался вперёд, длинные жерди заслоняли собой ту сторону на которой был шурф, да я об нём и не думал, Сколько раз проходил я по этой тропинке, ноги двигались как то сами по себе призывно. Вдруг лёгкий порыв ветра ударил в мою ногу, жерди качнулись в сторону шурфа, я попытаться удержаться но нога скользнула я потерял равновесие. Я очнулся на дне шурфа, и почувствовал острую боль в голове и коленке, сидя на дне шурфа я дотронулся до больного места на голове. ладонь почувствовалась во что то липкое и теплое, до сознания дошло, что голова разбита, в какой степени с понять не мог, не смотря на боль в локте я взял горсть снега и приложил к мокрому месту головы



ловы. Постепенно боль стала утихать. Я не догадался что надо перевязать голову да у меня и не было ни чего под руками. Но нащупав лежащую около меня шапку напялил её на голову, и стал кричать в надежде что меня услышат, придут на помощь. В шурфе стало совсем темно, я охрип от крика, понял что мой крик из шурфа не вылетает, Я стал ждать утра надеясь что кто нибудь пойдёт мимо и тогда я крикну снова, на донной нависло тёмное северное небо, холод навал себя чувствовать и что бы не заморзнуть я стал делать попытки подняться из шурфа. Пальцы мои скользили по обледенелым стенкам шурфа. Иногда отрывался не большой камешек и глухо падал в притоптанный мной снег. Над головой блеснул рассвет, я снова и снова принимался кричать. Кричал до тех пор пока терял сознание, потом снова делал попытки подняться. Без пользы попытки и глухой мой собственный голос казался мне голосом смерти приближающейся ко мне. Сколько раз я поднимался и падал обратно на дно шурфа, голодный обессиленный без отдыха и сна я цеплялся за каждый ничтожный выступ, царапал ногтями стенки. Я стал терять надежду на спасение, в глазах темнело, теперь я уже не знал когда был день когда наступала ночь, теперь при всём желании не только кричать но не мог издать даже звука, от усталости еле держался на ногах не жадая жизни хотя бы и каторжной не выносимой с её не посильным трудом, с голодным пайком, с холодной палаткой на голых сучковатых нарах казалась мне более сносной чем смерть в этой холодной яме. Мне казалось что она протягивает ко мне свои костлявые руки и со смехом старается обнять меня, И это было ужасно. А звёзды мерцая над моей могилой звали меня манили наверх в лес в забой к товарищам по счастью, к огню к костру где я мог бы согреть свои коченеющие пальцы. Борется хотя бы за свое ничтожное существование мелькало в моем сознании. Если бы я мог плакать может быть я облегчил бы свою боль души. Но слёзы выплаканы раньше в детстве в юности не ожесточённое сердце ещё билось и мысли перегоняя одна другую искали выхода, Умирать в этой яме нет! И снова и снова я думал какими способами можно еще подняться. Пытался и снова падал. Теперь мне стало казаться всё безразличным пища жизнь отдых. передо мной встало моё настоящее, моё прошлое, и будущее отделилось от меня я ни чего не хотел, голова перестала соображать, только инстинкт как то настойчиво требовал жизни. Снова без всякой мысли пытался я цепляться за стенки шурфа которые я стал ненавидеть всеми фибрами своей души. ноги перестали сгибаться, я уперся плечами в стенку шурфа опустив голову на грудь. Ноги как то сами по себе упёрлись в противоположную стенку. Руки я невольно заложил за спину, локти машинально уткнулись в



стенку за спиной и дали возможность приподнять плечи и может быть на один сантиметр подвинуться в верх. Так же машинально я приподнял одну ногу упёрся и переставил другую выше. Я почувствовал что отделился от дна шурфа как бы повиснув над ним снова подвинул плечи и словно червяк извиваясь по одному сантиметру стал подниматься, Мелькнуло что то в сознании и собрав волю я всё сильнее стал упираться в стенки шурфа скользя в верх. на донной словно наклонилась звезда, подмигивая звала к себе я отнял от стенки руки и протянул над собой. Рука коснулась чего то шероховатого и крепко почти мертвой хваткой я обвил руками опору на висшую над мной, теперь я понимал что это была жердь которую я нес на плече, когда я полетел вниз она концами легла на стенки шурфа, я не думал на сколько прочно она держит мои ноги соскользнули со стенки и я повис над шурфом. Упав теперь это значит уже на всегда, я сделал последнее усилие и забросил ногу на жердь, теперь я мог уже держаться и поворачиваться, Теперь не было такой силы которая заставила бы меня оторваться от жерди, царапая руки не передвигая их я добрался до края ещё раз сделал усилие и вылез на верх в снег. Сколько прошло времени сколько затратил энергии на этот подъём я не знал я ещё не понимал что на земле. Всё это я понимал уже потом, понимал что смерть которая трясла всеми костями отошла от меня на долго ли? Теперь я не радовался своему избавлению, я лежал в снегу грязный, оборванный в крови холодный и голодный, один среди сгустившейся тьмы. Что то заставило меня подняться и я пошёл по направлению к лагерю без мысли без радости. Всё кружилось вертелось, дятловка деревьев небо Наверно я был похож на пьяного напивающегося до без сознания. Шатаюсь от усталости кой как с трудом добрался до лагеря, Вахтер пропустил меня без препятственно спросил только фамилию имя и отчество и заметил почему так поздно я иду с работы? Войдя в палатку своей бригады, остановился в изнеможении, ко мне подошёл бригадир, как маленького взял за руки подвёл к свободному месту на нарах усадил и только тогда спросил.

— Где ты пропадал три суток?

Я рассказал ему всё подробно, что и как случилось со мной. От нашего разговора проснулись люди и слушая мой рассказ молча вздыхали.

Почему вы меня не искали? Спросил я

— Мы заявили конвоем что не вернулся из лесу человек и надо бы его поискать, может он в шурф упал.

Конвойные солдаты ответили, что меры будут приняты без вас.

Сами не пошли и нас не пустили. Только утром бригадиру объявили что я объявлен в побег и в случае нахождения будут приняты са-



мне суровые меры законного порядка какие предусмотрены для лиц  
бежавших из мест заключения.

Я и вся бригада понимали чем это пахнет, но мы об этом не гово-  
рили. Только рабочие собрали кусочки хлеба и постарались накорми-  
ть меня. После этого бригадир сказал.

Мне сказано что в случае вашего прибытия немедленно явится в УРБ.  
Учётно-распределительный отдел. Придётся идти.

-Что ж пойдём ответил я. Всё мне было теперь без различия.

Хорошего я не ждал, но и не знал что со мной будет.

Но знав сколько было времени когда мы подошли к дежурке, брига-  
дир доложил дежурному. Тот всей очередью послал рассыльного за  
зав УРБ, бригадир приказали удалиться. Зав УРБ пришел с ватагой  
лагерной obsługi. Не спрашивая меня ни о чем сел за стол напи-  
сал какую то бумажку, послал рассыльного, потом подойдя ко мне  
в плотную наотмаш ударил по лицу, со словами.

-Я тебе покажу как бегать вольды. Это видимо было знаком для  
моего избития. Я успел только закрыть руками лицо. со всех сто-  
рон посыпался град ударов. Били как попало, по чему попало: по  
голове по спине под бока. Я как резиновая кукла летел от одного  
удара к другому. не успевая даже упасть. меня буквально носили  
на кулаках. Видимо натешившись побой прекратились я упал, меня  
подняли облили холодной водой усадили к стенке в угол с расчетом  
что бы я не мог упасть. в это время пришёл начальник канители.  
Зав УРБ сказал только одно слово - Возьми.

и Тот действительно меня взял сначала за воротник поднял так что  
мои ноги не касаясь пола вынес на улицу и там дал полную волю  
своему не обузданному характеру. Натешившись мной без помощности  
Он поставил меня на ноги и словно по мячу дал кулаком в заты-  
лок так, что я не касаясь земли буквально по воздуху летел не-  
сколько метров, так не давая упасть он пронёс меня до самого кон-  
ца то есть до карцера. открыв дверь он снова кулаком в спину  
и ногой по под те место на котором люди сидят помог мне пе-  
решагнуть порог. Когда я немного огляделся понял, что тут я не  
одиночка. Нас оказалось человек десять, разных по характеру и с  
разной степенью избитости. Кондей не отличался обширностью. не им-  
ел ни нар ни окон. только в углу стояла печка и в ней тлели  
сырые дрова. Продолжилась наша весёлая жизнь. Мне как новичку да-  
ли место у печки, как видно и в самых зачёрствелых сердцах иног-  
да просыпается чувство жалости к бес-помощному человеку напомина-  
ющему собой избитого щенка с одним желанием прикорннуть где нибудь в  
к теплу. Мои товарищи по кондею: кто пел кто свистел, кто крыл  
всех святых на небе и на земле, а кто молча как и я поджав  
под себя ноги укрывшись полой телогрейки лежали молча желая только



одного перестать дрожать и что бы стук зубов перестал отдавать в ушах, так прошла первая ночь. Утром нам принесли хлеб его оказалось грам четыреста, мои товарищи ждали еще баланду её полагалось по триста грамм, Но мне её получить не удалось. На каждого присутствующего полагалось по восемь килограм сырых дров, это удалось прочесть на доске около двери где были записаны и правила внутреннего распорядка. На доску падали полоски света от проникающих лучей ~~низкий~~ неостёсанных бревёшек из которых срублен кондой УРБ. Там лежала куча мезлого мха этот мох мы складывали слоем к стенкам помещения посыпая его снегом, а затем поливали водой по-челась это с наружи вроде ледяного дома, сам дом был срублен из бревен но без пазов и поэтому имел щели, наша работа называлась утеплением помещения. Стоял Декабрь 1938 года Без термометра мы определяли температуру воздуха в 35-40 градусов Цельсия ниже нуля. м ~~е~~рез нам помогал очень хорошё мох политый водой замерзал моментально. Работали мы конечно очень вяло, шевелились что о только и самим не превратится в ледяную статую. Около полудня мимо нас прошли Зав УРБ. и начальник отделения Дороберти. Преходя зав УРБ. указал на меня и что то сказал начальнику. Тот остановился с минуту смотрел на меня но ни чего не сказав преследовал дальше

Через полчаса это же начальство преследовало обратно. Дороберти остановился смерил меня отеческим взглядом и удалился не сказав ни слова. Но через несколько минут мы с ним имели откровенный разговор по душам. Я зашел в кабинет/ если можно назвать это помещение кабинетом./ Дороберти сидел на месте зав УРБ., а ЗавУРБ стоял на вытяжку и что то рапортовал. Когда мы вошли доклад кончился Дороберти скомандовал, -Вольно. - Зав УРБ. Опустил от козырька руку и уже менее официальным тоном сказал, -Заключённый Берников по вашему приказанию доставлен. Дороберти в третий раз пристально и грозно посмотрел на меня и предложил мне сесть как видно в его воображении я был уже не живой человек, а если я еще стоял и двигался то этого движения надолго уже не хватит. Он улыбнулся. Но улыбка не предвещала мне ни чего хорошего. А тоном и взглядом он какхотел хотел декакнуть меня.

-Фамилия, имя и отчество, срок? Спросил он. Я ответил и когда услышал звук своего голоса я решил не сдаваться без борьбы.

-Почему и куда ты бежал?

-Я ни куда не бежал и не собирался бежать, нёс дрова для накали лемов для бурения грунта для того что бы производить взрывные работы.

Разве в шахте применяют взрывные работы? Спросил он у зав УРБ



-Не могу знать. Мне это не было известно, в первые слышу.  
Ответил зав УРБ.

-Почему ж ты неся дрова не донёс их до места назначения?

-Я донёс бы их да на дороге был шурф где я поскользнулся и упал в яму от куда вылезал трие суток, а как только вылез то пришел в бригаду. Бригадир отвёл меня к зав УРБ, а сейчас вот я стою перед вами.

-Такого шурфа о каком ты говоришь не существует. Мной было дано указание проверить, проверкой установлено, что ты на кануне побега заходил в инструменталку. Взял у инструментальщика: топор и лопату, которых не вернул и вечером не явился в лагерь сам.

А вчера вечером ты был задержан обслугой за территорией лагеря доставлен в лагерь и водворён в изолятор. Чем сможешь опровергнуть?

-Я ни кем не был задержан, в лагерь явился сам, обслугу видел только в помещении УРБ то есть вот здесь, а в подтверждение прошу вызвать вахтёрш который запускал меня в лагерь и спросил фамилию. Кроме того вызовите бригадира нашей бригады, да вся бригада вам скажет, что пришел в палатку я сам они вам скажут даже время когда я пришел.

-Инструментальщика! Холодно бросил зав УРБ.

Вошел инструментальщик, Он не глядел на меня стал на вытяжку перед начальником, ноги его подгибались: но он старался стоять прямо пристально и подбострастно смотрел на Дороберти.

-Этот человек брал у тебя какой нибудь инструмент и когда?

-Да брал же топор и и кажется лопату, дня два три тому назад. Которых не вернул до настоящего времени.

-Что ты скажешь на это.

Скажу, что инструменты из инструменталки берут бригадиры, они отчитываются за инструмент, они получают они и сдают. Этого человека я видел только тогда когда нас этапировали из Магадана.

Если он утверждает, что я брал у него инструмент три дня тому назад, так скажу что я уже четвертые сутки как не был в бригаде. Трие суток был в шурфе и сутки в карцере, А это или подставное лицо или подлец и лгуно.

-Замолчать! Крикнул Дороберти, стукнув кулаком по столу, я тебя заставляю сознаться, что ты бежал из лагеря и что тебя поймали.

-Прошу извинить быть может за резкий ответ. но вы ни когда не заставите меня сознаться в том чего я ни сделал, если бы даже вы грозили мне смертью. Ведь я и так наполовину покойник.

А мою правоту можно установить: наверно у шурфа в который я упал и до сих пор валяются херди что я нес в штрек.

-Вы будешь мне указывать как вести следствие, болван крикнул он я



сказал что такого шурфа не существует Ясно! От тебя требуется признание, куда и почему ты бежал?

— Я не собирался и ни куда не бежал! Обследование шурфа далё бы те что я говорю.

— Хватит! Твоё красноречие и оправдание мне не нужны. Ясно!

— В таком случае и говорить нам нечего, Вам нужен человек беглец. Что бы вы могли наказать его, мне понятно что это произойдет. Не знаю какая какая казнь ожидает меня но и этого ждать не долго.

— Вижу ты зубастый, не имей в виду я твои зубы обломаю и ты будешь потише, но прежде всего ты должен мне сказать почему ты бежал и куда?

— Вам нужно это для протекла. так я не бежал не скажу почему от вас бежат смельчаки, правда их вы ловите, да ведь мыслящему человеку ясно, что побег от суда обречен на неудачу, он только приближает развязку с жизнью, мороз, голод и пуля ожидает беглеца, за меня вам не пришлось заплетить ни одному человеку, как платите за поимку беглецов. Я ни когда не доставил бы вам этого удовольствия. Я предпочел бы скушать те продукты которые идут за поимку беглецов, а тех кто добросовестно работает в за-бое вы морите голодом, изнуряете не посильным трудом, заставляя работать по четырнадцать часов в сутки кроме всех лагерных работ помимо производства. наш путь от сюда сегодня завтра или нем-ного позже только в могилу. Так не всё ли равно умереть: часом раньше часом позже? Что бы снова испытать ваш режим ваши из-девательства нет. Лучше покончить сразу. Вы можете меня заморозить можете убить, можете заморить голодом, но ни чем не заставите меня подписать ложное показание. А если бы это было возможно то от вашего режима и снабжения убежать не грех.

— Вот это уже более существенный разговор, произнёс Дороберти, про-должим в том же духе. Почему от нашей жизни и режима убежать ни грех?

— А вот почему, есть машины работающие без ремонта? нет. А мы заведенные машины имеем отдых три самое большое четыре часа в сутки, да разве это отдых на голых нарах с одной телогрейкой или бушлатом. За выполнение нормы мы получаем восемьсот грам сы-рого ржаного хлеба. и ржаную болтушку, как её именуют затируху пол-литра на рыло. или ржаные галушки промасленные снеговой водой. А издеваются над рабочим человеком все кому ни лень. Надзиратели в эти четыре часа отдыха затеют шмон, выгоняют из барака раздевая даже рубаху. Староста лагеря бьёт за дело и без дела. Одни прове-рки поводят до белого каления, Кто у нас лагерная обслуга?



«Боры жулики и бандиты, они убивать способны, а здесь это и поощряется. За это они льготы получают. На свободе они на кусок хлеба не заработают, тюрьма им дом родной. Посмотрите на нашего начальника канители, на нём пробы ставить не куда тысячу раз бьют, а тут он почётное лицо доверенное. По этому и режим бей кому ни лень, чем больше убьют тем больше почёта, они ведь не «контрики» не рогаши, Они бьют а вы их поощряете.

— В частности тебя ктонибудь бил? Спросил Дороберти.

— За этим далеко ходить не приходится Вот первый представитель и зачинчик всех лагерных потасовок. Я указал на начальника УРБ. Только вчера он первый ударил меня а его приспешники мне даже упасть не дали, не успевал я падать то. с этим и до карцера проволи.

Выйдите от сюда! Приказал Дороберти посмотрев на зав УРБ, Он неохотно вышел.

— Рассказывайте все подробно. Приказал Дороберти.

— Я Уже говорил вам, что кормёжка плохая, на таком пайке четырнадцать часов не проработаешь, а кроме этого после рабочего дня нас выгоняют из барака под видом проверки с рукавицами и под усиленным конвоем мы идём в лес и несём четыре человека бревно для строительства. Однажды мы несли это бревно четверо пять километров, а на вахте под это бревно натолкалось столько что ухватится стало не где, Без ноши в лагерь то не пускали, ну я шел впереди, Вахтер крикнул — Остановится! Но напиравшие сзади не смогли сразу остановиться, а он мне ударил так кулаком по носу, что я сразу умылся кровью. Конечно защитный рефлекс я схватил палку и устремился на вахтера. тот дал тягу, а я то палку сразу не бросил можно бы и мне замешаться в толпе но я этого сразу и сообразил. А подоспевшие другие вахтеры моей то палкой так меня отлупцевали, сделали как говорят под орех. но и на этом не успокоились, А поставили меня на стойку смирно на всю ночь около ворот на морозе в тридцать пять градусов в одной телогрейке. Уж как я не замерз окончательно сам не знаю. Отпустили меня развод начался. Рассказал как приняли меня и в прошлую ночь,

Я рассказал Дороберти как лагерная обслуга за малейшую провин а иногда и без всякого повода выводила людей на мороз, для за вы заставляли лезть на четвереньках, скалить по собачьи зубы за невыполнением били. Баланду наливали в грязные из под помоев чашки как собакам. Два часа я рассказывал про порядки царившие на лагпункте.

— Так я выслушал тебя ни перебивая Сказал Дороберти. Конечно т многое преувеличил иначе я знал бы об этом.



Простите меня гражданин начальник но ведь вы обовсём этом превосходно осведомлены, только вы тоже не сознаётесь в этом. Вы считаете это в полне нормальным. в ваших глазах мы люди провинившиеся и должны почувствовать свое наказание.

-Нет ! Произнёс Дороберти . Вы несознательный элемент, если бы вы сознавали то не жаловались. а учитывали что у нас в лагере бывает продовольственный кризис , до под опроски продуктов иногда приходится урезать снабжение. и большинство мирятся с положением и затруднениями.

А разве я вам когда нибудь жаловался до сегодняшнего дня? Мы в том числе и я миримся со всем и возможно мирились с большим если бы нас хоть чуточку считали за людей. не били бы причинно и хотя изредка информировали о положении в лагере. Человек когда знает и видит необходимость он терпит ждёт и призывая на помощь мужество и выдержку идет добровольно на смерть во имя других. Мы сейчас стоим на разных ступенях и вам трудно понять меня, Вы уполномочены властью, я осуждён, не виновных говорят не судят, но я не совершил преступления за которое меня судили, Меня судили за сознательность. Многих судили и совсем без причины, были ложные доносы мало ли у нас недоразумения, а подход? Я замолчал.

-Что подход разве не совсем одинаковый? так я считаю что это правильно. Вы изменники родины, С растановкой произнёс он зло сверкнув на меня глазами.

-Нет! родине своему народу я никогда неизменял да у меня и не было ни причин не случая в этом. Мне тридцать лет и этот формуляр я имел лишь потому: что имел десять лет тому назад приговор высшей меры и тоже за несодеянное мной преступление, я не был виноват и тогда. Да стоит ли говорить об этом, ведь вы всё равно не поверите мне. Сейчас хочется просить вас об отмене дополнительных работ по лагерю после трудового рабочего дня. Люди не выдерживают. они мрут как мухи.

-Ну это ты ересь пореш. Тогда ваш брат совсем излечится и мышей ловить не будет. Нет вы всё время должны чувствовать где вы находитесь и давать то что от вас требуют. Мне покрайней мере поступают сводки о выполнении норм и процент выхода на работу.

Только не сознательные люди могут обижаться на нашу несправедливость. А мы имеем право и будем таковых наказывать. Твёрдо сказал Дороберти.

-А вам не поступают сводки ежедневного отхода на тот свет? Не прошло еще и двух месяцев Как я здесь, мне удалось побывать на нашем кладбище через два дня по приходе на лаг пункт и снова неделю тому назад я побывал на нем Как видно у меня обостренное внимание и наблюдение к подобного рода местам по этому я



почти несомневался что одним колом увеличится эта прописка и без того густо населенного пункта. Единственное утешение, что мы попадем в святые, так как здесь в вечной мерзлоте трупы не поддаются гниению. И сроки записанные нам в приговорах отбудем полностью, там. За два месяца колов 6/6/ со статьёй и сроком конечно не отбытым здесь уже целый лес. Благо мы не затрудним писателей они не будут писать об нас романы и мы не станем легендарными личностями, а после нашего душевного разговора я не сомневался что дополнил население сверх плана, Вы постараетесь доставить мне это удовольствие,.

Замолчать! Крикнул Дороберти., ударив кулаком по столу. Я вижу что зря провёл столько времени выслушивая твои сказки. Не сказки а быль, По вашему милому желанию сотворённые. Я скоро замолчу, не лишайте же меня последнего удовольствия сказать вам эту горькую истину, которую вы не очень то любите. Я в ваших руках и если бы я захотел избавиться от вас то всё равно кроме петли меня ни чего не спасёт. а для того что бы повесится нужна верёвка которой мы смертные не располагаем.

Замолчиш ли ты? Дороберти вскочил полбежал к двери и крикнул. Немедленно стрелка! Через минуту явился охранник с винтовкой.

Дороберти проводил меня тем же взглядом которым встретил. Стрелок довёл меня до изолятора без приключений. Не больше как через час явился сам зав УРБ И скомандовал мне выйти.

Я вышел. Мы шли с ним рядом и что то говорили. Но ято не помню, я не видел ни чего кроме своего противника, я не знал куда он ведёт меня и не старался узнавать, Мы шли наверно километра три, я вел себя настолько не принуждённо, что он выдавший виды человек наверно удивлялся моему не принуждённому разговору. он понял то что приговорённого к смерти ни чем не испугаешь не возражал мне только скрипел зубами и злобно смотрел на меня. Как видно он думал над тем как больнее дать мне почувствовать мою без правие, а я старался высказать ему то что он проводил в лагпункте, с ведома и без ведома начальников. У человека нет ни чего дороже жизни но если её отбирают насильно и не справедливо он уже не думает о себе, ему хочется хотя бы в какой то мере своей смертью облегчить участь своих товарищей по несчастью, а для этого надо было обличить своего деспота хотя перед его собственной совестью если тоьно она у него еще имелась. Я презирал его и смерть, так как они оба преследовали одну цель, уничтожние.

Моё вдохновение прервала вахта, конец нашего пути. Ф Вахтёр пропустил нас без возражения, моего спутника он знал в лицо, а до меня ему не было дела потому что меня сопровождали, Зав УРБ довёл меня до шизо (штраф изолятор/ вызвал заведующаго и сказал:



По распоряжению Начальника отделения Дороберти этого заключенного сдержать в шизо до особого распоряжения. Моя фамилия он не назвал я видел что он не передавал и письменного распоряжения. Зав шизо открыл дверь помещения, там было полно люди стояли в притирку до самого порога, самые близкие повернули головы сами они повернутся при всём желании не могли тем не менее меня поставили на порог и дверь втиснули между стоящими. Дверь закрылась прогремел замок. на дворе стало тихо. Я остался стоять.

Да кто посылал меня и кто привел сюда и сдал до особого распоряжения знали что делали. Они знали что представляет из себя шизо

Надо быть наивным что бы попав туда думать что можно выйти из него живым. Я почувствовал это с первой минуты, с того мгновения как меня втиснули между стоящими. Думать о будущем не стоило ломать голову думать о прошлом вспоминать ошибки без полезно. Всё что прошло с тех пор как я вылез из шурфа уже происходило без моего ведома и предостеречь было не возможно.

Если там за стенами шизо не смотря на формуляр с двадцати летним стажем тфт, я мог еще думать что могу пережить или дождаться какой то перемены, так как нам еще в Семипалатинской тюрьме было под расписку объявлено, что наш приговор областного суда был отменён Верховным судом КазССР. И статьи переквалифицированы И если нас не пустили в расход, то нам оставалось пусть по десяти лет и в эти десять лет могло что то измениться еще. Но здесь в шизо срок уже не имел значения. И что попав в яму я имел надежду на свои силы на своё мужество на свою силу воли. то теперь всё стало ненужным. Всё то что было там здесь исключалось. Эта яма оказалась более глубокой и внею участвовали не только мертвые стены, здесь распоряжались люди и существовало право сильного. и к этой физической силе примешивалась еще сила наглости нахальства и кровожадности. Там за этими стенами нами распоряжались исходя из формуляров и своей совести но здесь нашей судьбой распоряжались люди не имевшие ни какой совести ни какого сострадания, привыкшие к ремеслу палачей палачей не узаконенных ни каким законом кроме закона выработанного ненавистью тупостью и без разсудностью. Здесь уже преследовалась не ликвидация классов а ликвидация не угодных людей, не смотря на их безответный нечеловеческий безропотный труд.

Люди окружавшие меня в шизо многие как я осознавали своё положение, В их глазах можно прочесть только безысходную тоску безысходность, это были трупы завернутые в лохмотья занятые одной мыслью поисте. Медленная смерть от истощения в особенности тех кто попадал сюда до особого распоряжения. некоторые имели срок пять десять суток еще могли на что то надеяться, и потому могли думать о хлебе и воде. Они еще могли цепляться за горькое существование.



такое начало моей жизни в шизо в этой перетёртёрме как её называли зека. За шесть суток я все же два раза имел возможность покушать один раз меня накормила бригада и пайку четыреста грам я получил в изоляторе. поэтому я был ещё сильнее тех кто просидел здесь неделю или больше, это помогло мне пробиться в перед. в середине где я увидал нары они были трех ярусные на одной стороне но за то на другой одноэтажные, там заседали блатные, жулики и бандиты. Они и здесь пользовались привелегией как видно содержались для уничтожения остальных. Их было человек полсотни, остальные человек двести пятьдесят триста в притирку лежали на нарах и стояли стоймя, пока нас по утру не выводили на работу, Осмелившихся подойти к нарам блатняков постигала смерть. При разводе мертвых вытаскивали на улицу складывали в кучу а кто мог шевелиться строились в ряд для проверки, тех кто падал в помещении оставляли договаривать. то есть умирать, Как только открывали утром дверь к ней бросались не щадя ни себя ни товарища. так как последних блатные были палками поэтому последним быть ни кто не стремился.

в шизо оставались Фитили и блатные, Фитилями назывались умирающие. За дверями нас ждала вооружённая охрана. и если кто не мог сразу сориентироваться и попадать в строй охрана прикладами восстанавливали зрение и память, но тот кто попадал под приклад оставался лежать, его не поднимали и он исчезал без следно. проверка повторялась до полного уточнения строя. Следовала команда на право,!

снова производился счет старшим конвоиром и если количество совпадало следовала команда Шагом марш!- колонна начинала раскачиваться на месте до тех пор пока попадала в ногу. затем начиналось шествие к инструменталке К каждой пятерке ставился стрелок сытые обмундированные солдаты охраняли отряд разношерстных грязных не бритых в лохмотьях голодных еле передвигающих ноги людей Конечно мы не были нормальными людьми имели вид измученных зверей. так мы добивались до инструменталки. к окошечку подходили по два человека, инструментальщик засовывал нам под локоть кирку лопату руки у нас находились в карманах, варежек или рукавиц мы не имели. через час а может и больше мы снова плелись по утопанной дорожке к месту работы километра два. Там в шахматном порядке пробивались разведочные шурфы. Мы не сговариваясь разговор в строй запрещался. подходили к шурфу вытряхивали из под мышки инструменты и пританцовывая ходили вокруг шурфа только потому что бы не замерзнуть. Охотников спускаться в шурф находилось очень мало. в шурфе люди не могли двигаться из за тесноты а если они присаживались, то уже не поднимались извлекали с остекляевшими глазами мертвых или полумертвых складывали вечером на приходившие к шахте подводы и больше



они в шизо не возвращались. День подходил к концу. Оставшихся строили, считали, уточняли, и обратным порядком двигались к инструменталке для сдачи инструмента. Наши руки вынимались из карман только для того что бы взять с земли инструмент и водворить его под мышку, а инструментальщик сам бра его у нас. Потом в снова пересчитывали и вели к шизо, Окно двери в шизо снова открыли и тогда мы входили в наш рай где встречали пополнение на смену выбывших, за время работы мы старались только заготовить себе снежку на ночь. Так как воды к нам ни кто ни когда не привозил не приносил. а хлеб к нашему приходу доставлялся и передавался блатным, на всю братию. Не выходящие на работу и получившие хлеб отбирали для себя львинную долю остальным давали буханку на группу группа отходила к нарам, с начала сохранялось сознание разделить поровну. а так как ножей не было. а ломать поровну трудно начинались споры. у голодных людей разгорались глаза руки тряслись и невольно тянулись к хлебу в один миг его хватали кто смог забирались под нары и сразу глотали его не разжевывая. На вновь прибывших хлеб не полагался. Большинству хлеба не доставлось начиналась свалка. Блатные полками наводили порядок. Били без разбора кто попадётся и по чём попало по плечам по рукам по спине по голове оглушенные ударами валились их топтали, перешагивали или валились сами получалась куча барахтающихся тел. кому попадал в руки хлеб тут же уничтожали ибо все равно отнимут. Так проходила делёжка хлеба С баландой обстояло несколько лучше. Каждый присутствующий получал тристо грам если него была посуда. Наконец всё успокаивалось ужин кончен, пристраивались кто как мог попавшие на нары ни слезали кто под нарам тоже не вылазили остальные устраивались как попало только подальше от блатных. Спали сидя спали стоя прислонясь друг к другу.

Брала верх усталость забывались драки забывались убитые валявшиеся на полу. На них для удобства даже присаживались всё замирало до утра. Утром начиналось всё с начала. Об мертвых и убитых ни кто не говорил. не кто не вспоминал, Количество не уменьшалось, порядок не менялся. Слабые гибли, блатные пользовались долей чертей и рогатиков. Помогали умирать слабым, Люди обновлялись менялись но мало кто отсиживал даже намеченный срок. Водворённые до особого распоряжения слабели, превращались в фитилей, догорали или не

режали дубаря, Нарезать дубаря - означало умереть или быть убитым, Была и такая распространенная игра в которую верили новички.

говорили сегодня заседает комиссия по амнистированию в составе председателя Дубарёва и членов Могильникова и Загип Петровича. Которые освобождали не только из шизо но и из лагерей до срочно



Новички верили потом узнавали, что представляет эта комиссия относились как все равнодушно, не веруя в избавления не ожидая площади. Большинство предвидели свой конец, но каждый день до последнего вздоха цеплялись за жизнь, но палки блатных помогали сла- бым растаться с жизнью. За шесть дней мне удалось получить или д- взять силой не больше шести сот грам хлеба. Каждый день мне казал ся вечностью. Каждая ночь с её кошмарами и драками адом о котором я слышал ещё в детстве. Здесь не было только кипящего котла со с- смолой. и нас не поджаривали на горячих сковородках.

Этот кошмар длился тринадцать суток я уже потерял надежду на свои силы. Эта тринадцатая ночь была страшной, день оказался как всег- да для кого то роковым. В довершение всего один молодой паренек обросший бородой с голубыми наивными глазами из новичков постес- нялся оправиться на месте. Он попросил у конвоя разрешения отойти от шурфа. Отойдя шагов тридцать от группы сделал свое дело встал и как видно машинально сделал шаг не в сторону группы, а на оборо- Стрелок вскинул винтовку Прозвучал выстрел и он как сноп свалился на снег. Конвой подбежал к нам и крикнул Видели! Всем такая

честь будет. После этого нас все стали загонять в шурфы. многие влезли хотя работать там было нельзя из за ~~тесноты~~ и слабости.

Всех кто отказался выстроили в одну шеренгу, мне было всё равно что будет с нами но в шурф не полез. Нас пересчитали и четыре стрелка повели по направлению к посёлку. Там подвели к дому на- чальника Дороберти и снова выстроили. Один стрелок зашел в дом. Через полчаса Вышел впереди начальник отделения за ним стрелок. Не подчиняетесь конвою! Бунтуете! не хотите работать! Мы все молчали. Тогда он указал в сторону сопки и повысив голос сказал.

- Видите вон ту сопку? Молчание.

- Я вас спрашиваю видите сопку? Снова ни кто ни чего не ответил.

- Там всех вас сволочей расстреляю! Угроза Дороберти была не пус- тым звуком многие знали еще Гаранинский режим. Там в тайге на приисках еще крепко жили укоренившиеся правила Где расстрелы и произвол царили. Еще не прошло полгода как на прииске Мальдяк при такой же обстановке как у нас с третьего лагпункта в одну ночь из шизо и разных изоляторов было расстреляно сто тридцать два человека. И когда нас повели по направлению к этой сопке ни укого из нас небыло сомнения что мы идём в последний путь. Дороги к сопке Целиноу небыло мы шли по глубокому снегу около километра, один из колонны упал его пристрелили тут же. на одног- го нас стало меньше нас гнали дальше не останавливаясь. Примерно в- на половине ~~добр~~ пути мы вышли к тропинке ведущей к приискам. Нам скандовали повернуть к шурфам. Когда мы вышли на площадку



-16 нас остановили и старший который разговаривал с начальником стал у нас спрашивать персонально. Работать будешь? В шурф полезешь? Соглашавшегося направляли в шурф он спускался, не доходя до меня двух человек один отказался тогда его раздели до нательного белья оставив валенки и поставили на стойку, Мороз был градусов сорок. Отказавшийся сложил на груди руки втянул голову в плечи и остался стоять. Все остальные в том числе и я поняли что отказ карается сразу, а шурф одер// делает отсрочку может быть на день на два но всё же ни сейчас. Прошел час, полтора. раздетому предложили одется но он ни отозвался. тогда велели одеть насильно. ни чего не получилось не могли растянуть окоченевшие руки. Его завернули в бушлат и положили на подводу которая пришла по обыкновению к концу работы.

Дали команду выходить из Шурфа все кто мог вылезли, но этот день и тут оказался рекордным. Человек десять извлекли стрелки скрюченных с остекленевшими глазами. С мертвыми остались два стрелка, остальные повели нас к шизо. Я чувствовал что больше я держатся не всилах, что еще день от силы два и меня уложат на подводу. Мелькнула мысль сделать шаг в сторону, таких стреляли без предупреждения. Что удержало меня от этого шага? так я и не мог определять. Бороться за жизнь я устал Смерти я не боялся. Но как видно размеренный ритм по которому мы двигались подсознательно распоряжался сейчас мной. А в сознании я был против жизни. я не хотел в шизо не хотел в шурф всё во мне было отравлено воля к сопротивлению исчезла. В этот день я не подумал даже о снегах для утоления голода и жажды. Я шел ни падал не шатался. мне нехотелось даже нарушать ритм движения, так я дошел до шизо. Но на этот раз двери шизо не открылись. Около дверей стояло несколько человек лагерной obsługi пятого лагпункта. С ними стоял начальник я его не знал видел первый раз, нас выстроили, раздалась команда разобратся. Кто с пятого два шага в перед!

Начался опрос: Ты за что? в шизо?

—Опоздал на работу.

—Выходи!

—Ты за что?

—Нагрубил старосте.

—Выходи.

— Ты за что?

—За побег.

Посиди. Таких оказалось двое,  
Оставшимся скомандовал —Шагом. марш по своим бригадам.

Кто за побег загнали в шизо?

Вы откуда спросил он оставшихся вне опроса  
— С разных лагпунктов. Ответили мы.



Разобраться по лагпунктам. Мы разобрались, нас с третьяго оказалось пятнадцать человек, Начальник подошел к нам выбрал на его взгляд более смышлёного Приказал,

-Отвечаеш за всех, следуйте на свои лагпункты заявите на вахте о прибытии,. Из шизо по распоряжению начальника отделения Дороберти.

Приказано всех направить по своим бригадам. Я вошел в свою палатку, Бригадир поднялся мне на встречу.

Поднялась вся бригада, если кто и небыл так по слухам знали что представляло из себя шизо. Меня приняли как выходца с того света

Снова как и в первый раз они собрали кто что мог и накормили меня, на утро вместе со всеми я вышел на работу, За мое отсутствие штрек уже пробили и долбили золотосный слой песков, Вывозя ваго-нетками на гора воротом установленным при входе в уклонный штрек, Там рельсы расходились на две линии по одной шла вагонетка в штрек по другой груженная на верх к месту с ссыпки песков. Там он лежал до весны, Весной пески шли на бутару на промывку, зимой производилась только добыча песков. До вечера я находился на работе, не работать бригада мне не дала.

Отдохни денёк. Сказали все бригадники словно по уговору. Правда ни сидеть ни стоять я не мог, я делал то что мог. Палец болевший к этому время затянуло без всякой помощи он покрылся тонкой кожицей.

Как видно потому что мяса на костях не было а кость не отморозила. Вечером раздавая хлеб бригадир обнаружил что на меня хлеба нет. он посоветовал мне дойти до УрБ. Я обратился к нарядчику. Нарядчик перелистал папку с бумагами и сказал,

Подождите заведующаго. Прошло полчаса. Явился Зав и увидав меня спросил", А ты откуда взялся?

Я ответил. что по распоряжению начальника (шизо разгрузили и нас направили по своим бригадам. Что я прибыл вчера и сегодня работал но неполучил хлеба и по этому пришел сюда.

Посиди сейчас выясню. Сказал он и вышел.

-Но вместо заведующаго пришел стрелок и снова водворил меня в изолятор, Дал на ночь дров. на этот раз в кондее я был один. Кой как я разжег печку сел к огоньку и подумал, начинай с начала.

Только утром когда кончились дрова я прижался к остывающей печке и задремал. Утром после развода дверь моя открылась появился вахтёр и приказал следовать за ним, Мы вышли из лагеря и пошли к пятому лагпункту. Я спросил по дороге Куда мы идем?

-Пока на пятый а там незнаю об/ Ответил Вахтер. и Спросил меня Откуда прибыл? Я рассказал ему что пробыл тринадцать суток в шизо - За что ?

-Не знаю ответил я . Он усмехнулся и больше ни о чем не стал спрашивать.



Мы вошли в проходную, он оставил меня на попечение дежурного сам пошел доложить? и узнать куда меня определять. Он

Не весёлые думы наполнили снова мою голову. Мужели снова шизо?

Мои размышления прервал дежурный,

Эй мужик куда тебя привели?

- Не знаю наверно в шизо.

- А что ты наделал? Убил когонибудь?

-Нет. - Тогда украл?

-Нет в жизни ни кого не убивал не воровал.

-Так за что же тебя в шизо привели?

-/Не знаю. Тогда он полугрозно полусерьёзно крикнул на меня, Замолчать! Встать как следует, Я стоял прислонившись к стене. Я отодвинулся от стены и отвернулся от окошечка. Тогда дежурный снова окликнул меня.

-Эй мужик ты грамотный?

- Читать писать умею.

Зайди сюда. поможешь мне номерки развесить, Я вошел к нему в дежурку

-Он показал на стол там лежала куча номерков, а рядом табельная доска.

-Я с этой работой справился быстро. Тогда он спросил .

-Есть хочешь?

-Хочу. Он достал из стола пол буханки белого хлеба и протянул мне.

- я не поверил своим глазам но невольно шагнул к нему Глаза мои как вид- заблестели голодным блеском он Отпрянул от меня Но я как собака успел вырвать хлеб и не разжевывая начал его глотать. Дежурный смотрел на меня с интересом и сожалением. Когда я покончил с хлебом он спросил.

-Пить хочешь?

- Хочу. Он зачерпнул кружку воды и подал мне. Я залпом выпил и по-

-просил еще.

- Куришь?

-Кто из нас не курит. Ответил я

Он достал из стола пачку ~~табачный~~ <sup>табачный</sup> ~~напирес~~ и половину отсыпал мне. дал коро- сичек и сказал- Выйди.

Я вышел оперевшись о стенку стал с наслаждением глотать табачный ды- Дежурный наблюдал за мной в окошечко, что думал он не знает, но я первый раз видел вахтера человека с душой наполненной жалостью к от- верженному. Мне казалось, что голод стал мучить меня еще сильнее. Я с такой бы жадностью съел еще столько, но мне больше ни кто чего не предложил. С благодарностью я смотрел на этого человека протянувшего мне руку помощи. Теперь я снова мог идти в шизо. те- перь неделю а может и больше я мог выдержать, Вошел вахтер.

-Ну браток пойдём!

Куда ?с Спросил я.

-Не знаю, пока в УРБ а там куда определяют. Я еще раз с благодар- ностью взглянул на дежурного и молча вышел из помещения.



Мы пришли в УРБ пятого лаг пункта. я остановился у двери. Подождите сюда! приказал начальник. я сделал несколько шагов к столу но в плотную не подошел, фамилия, имя и отчество, год рождения? Статья срок? я ответил. Где находился последние две недели? В шизо до особого распоряжения. Этого не может быть.

-Спросите начальника шизо несмело попросил я. меня доставили к нему без препроводительной, Этот факт мог врезаться в память дежурного и начальника, а так начальник мог не узнать меня, перед его глазами столько проходило всяких людей, что вряд ли он мог удерживать в памяти все наши обросшие бородами потерявшие человеческий облик лица. Пока я был занят этими мыслями разсылный привёл начальника шизо. - А вы садитесь предложил мне зав УРБ. я присел но тот час же встал, в помещение вошёл начальник шизо. У вас содержался этот человек? с какого и по какое время? Не ужели не вспомнит? у меня похолодело в нутри и кажется остановилось сердце. Ведь он видел меня один раз когда принимал. Да, Вдруг донеслось до слуха, и кровь снова начала свой путь от сердца к пальцам и обратно.

- Его привёл ко мне зав УРБ третьего лаг пункта и сказал, что документы пришлём попозже, Когда выйду от нас сказать затрудняюсь. А привели недели две тому назад. Выйду как видно при разгрузке. Я готов был целовать ноги начальника шизо, человека чёрствого и без сердечного. который ни пошевелил пальцем что бы навести порядок в веренном ему учреждении и по возможности создать условия не морилки, исправления провинившихся и попавших к нему людей. Неужели и в нём еще сохраняется в какой то степени человек? Мне тогда зав УРБ третьего лагпункта сказал- Что этот человек будет содержаться до особого распоряжения, что он склонен к побегу. Вот по поэтому я тогда и обратил на него внимание. Продолжал начальник шизо. Начальник пятого лагпункта покачал головой. Спасибо, я вас не задерживаю. Зав шизо вышел.

Ваши документы обратился он ко мне. Принес ко мне заведующий У третьего лагпункта сказав что человек находится в зоне нашего лаг пункта, предупредив меня что вы склонны к побегу. Вечером вас не оказалось мы проверили несколько раз счёт Мне пришлось вызвать военизированную охрану и объявить вас в бегах. Вот так я и бегаю из одной ямы в другую и чуть не угадал в последнюю. Если бы вы тогда не пришли для разгрузки шизо то меня так и не нашла бы ни какая военизированная охрана. Я понял, что мне отомстил Зав уро третьего лаг пункта за то что я рассказал Дороберту о порядках в лагпункте.



Иван Трофимович Кобель руководил бригадой. Бригада состояла из сорока пяти человек. Работали по открытию золотоносных песков. Работки велись открытым способом, а для того что приступить к выработке, необходимо снять двух метровый почвенный слой. Этот слой назывался торфом, хотя состоял он из растительного слоя, смешанного с галечником. Работа не из лёгких, но бригада подобралась дружная, да побаивались и бригадира, ленивым Иван Трофимович спуску не давал. Вот в эту то бригаду попал я после того, как по несчастливой случайности вышел из штраф изолятора и попал на пятый лагпункт. Начальник учётно распределительного отдела, сокращённо УРБ. был полной противоположностью начальнику с третьего лагпункта. Этот лагпункт считался пятым и был вообще на хорошем счету по выполнению работ. А бригада Кобеля гремела рекордами. Редкий месяц она выполняла работу на сто пятьдесят процентов. Больше месяцев <sup>6</sup> ~~сильно~~ <sup>3294</sup> когда бригада давала по двести и больше %. На этом лагпункте я увидал свет. во первых начальник УРБ разоблачился в моих побегех. Убедившись в вымыслах он дал распоряжение старосте, что бы меня в течении двенадцати дней на работу не направляли и кормили по первой категории. Выдали мне новое обмундирование. Постельные принадлежности. Привели меня как говорится человеческий вид. Отдохнул я, да сказать и бригада Ивана Трофимовича мне понравилась. Одно смущало, что Кобель держал себя по министерски, к нему без доклада не входили, Жил он с нами в одной палатке, но для него был отделён угол и у двери сидел дневальный. Прежде чем попасть к бригадиру, проситель должен был свою просьбу выложить дневальному, а тот сам решал, стоит ли беспокоить бригадира? если вопрос заслуживал внимания, то дневальный пропускал к бригадиру, если не считал нужным пропустить, гнал просителя метлой. Все мы конечно с таким положением мирились, считая это не самым худшим, а просто шуткой в душе подсмеиваясь над ней. Сам Иван трофимович обладал огромным ростом, не малой силой, суровой наружностью. Твёрдым характером, Кроме того Иван трофимович ни стеснялся в выражениях, где считал нужным ни стоял за оплеухой, так даст, что с ног валятся. Поэтому как видно и дисциплина в бригаде отменная была. И хотя в душе все мы осуждали за кулачную расправу Ивана Трофимовича, но в то же время и оправдывали его, с нашим братом иначе поступать нельзя, Слушать не будут, а уважать многие не умеют, не понимают уважения. Не смотря на всё к бригадиру я относился с большим уважением и правду сказать, он тоже умел ценить людей. В последний день месяца нам объявили процент выработки, Если мы и сегодня дадим двести процентов, значит вес



месяц<sup>2</sup> круглый двести. До самого вечера мы работали не покладая рук и без подсчета знали, что вытянет двести с гаком. На вахте открылись ворота. Нас просчитали и мы дружно вошли в ну. Грянул туш! Оказывается нас ждали, встретили с оркестром. Пока мы вошли в барак всё играла музыка. Это у нас заведено с самого начала. Ответил мой товарищ по пёрке на мой вопрос. Еще не то увидишь. Это мы перекинулись несколькими словами ~~куда~~ входили в барак, а шли мы последними. И впрям увидел я чудо. Наш барак выглядел по праздничному, чистая абсолютная. посредине стояли столы накрытые чистыми салфетками. На каждого члена бригады стояла раскупорённая банка шпрот и стоял. Все умывшись и причесавшись, сели на свои места, я как новичёк стоял и ждал, где мне укажут место. Прибор Ивана Трофимовича стоял в конце стола, с таким расчетом, что бы видеть всех. Он посмотрел на меня и показал на свободное место около себя. Когда все сели, явился повар в белоснежной куртке и поварском колпаке. он торжественно нёс бутылку спирту, начиная с бригадирской стопки, стал наливать по сто грам, за ним шествовали два официанта тоже с бутылками, но они только подавали повару. Иван трофимович скомандовал. -Разбавить! мы все долили стаканы водой, хотя и так спирт был разбавлен, но этого ни кто не утверждал. Снова команда Ивана Трофимовича.

Приступить! Это означало взять стопки и встать. все встали. Иван Трофимович произнес полагавшуюся речь, похвалил нас за работу и выразил надежду, что темпы не снизятся и следующий месяц. Не уроним честь бригады и в будущем, закончил он и опрокинул стопку в рот. Все последовали его примеру. Закусили. В это время официанты разносили суп с вермишелью, потом появилось жаркое из тушеного мяса с рисовым гарниром, на третье по кружке киселя. В этот обед хлеб подавался без нормы, ели кто сколько хотел, просили над бавки и просьба удовлетворялась. После обеда строем шли в клуб. Нашей бригаде в этот день отводились места в первых рядах. Начальник лагеря Объявлял процент ~~работы~~ нашей бригадой, призывал трудиться еще лучше, а ~~всему~~ лагерю равняться по ударной бригаде. Ивана Трофимовича. На этом заканчивалась Торжественная часть, за тем шла кинокартина. Правда во время сеанса многие спали. Но этому ни кто не удивлялся. Не легко доставались почести, в наших лагерных условиях, но всё же это было приятно, радостно за то, что твой труд замечается и оценивается. За внимание на второй день выйдя на работу мы отдавали все свои силы. Как только бригада вступала в забой раздавалась команда Ивана Трофимовича. -Бушлаты долой! и все без прекословно выполняли, за невыполнение



за невыполнение собственных поручений Затрещина Ивана Трофимовича. Все об этом знали и конечно старались выполнять все приказания без пре-  
кословно. Работая в бригаде Кобеля я физически окреп но к несчаст-  
ному истощение полученное на третьем лагпункте не прошло без след-  
но. Развивалась анимия и авитаминоз., с половины января стали опу-  
хать ноги. Семь лет тому назад на Беломор канале я болел цингой.  
На правой ноге ниже коленка у меня был провал, то есть цингот-  
ный абсцесс, он то больше всего и дал себя знать. К концу января  
развилась цинготная контрактура. нога сильно болела и распухала.  
Несколько раз ходил я в амбулаторию. но больным меня не признава-  
ли, а я ходил на работу собирая свое терпение и силы. Прошел фев-  
раль, морозы не снижались, а казалось усиливались. В начале марта  
моя болезнь настолько развилась, что наш бригадир не смотря на  
свою жестокую натуру, стал делать мне поблажки. Но мое сознание  
не мирилось с тем, что я лишний балласт в бригаде, это меня про-  
сто убивало, хотя Иван Трофимович утром до того, как собиралась бри-  
гада приказывал мне идти к вахте, когда бригада подходила к воро-  
там я присоединялся к ней, нас просчитывали и бригада уходила, а  
я плелся в след. Приходил на много позже. И бригадир не допуск-  
ая меня до работы отправлял меня обратно, бригада нагоняла меня у в-  
орот и снова я входил с ней в место в ворота. От ворот до барака  
я шел снова черепашным шагом. Один из членов бригады получал  
меня пайку, и баланду, и приносил мне в барак. Так прошел март.  
Однажды Иван Трофимович сказал мне - Иди в амбулаторию, глав-  
врача там сегодня нет, а наш липком даст тебе освобождение. Это  
было Тридцатого марта 1939 года Я принес освобождение от работы на  
один день. И Кобель сказал отдыхай. Два дня я боролся между с-  
и полубезразличием. Первого бригада ушла меня не стали тревожить, но  
пришел нарядчик накричал на меня и сказал  
Немедленно иди в амбулаторию и носи освобождение или пойдешь в ко-  
дей. И из бригады Кобеля тебя исключим.  
Я с трудом встал, кой как добрался до амбулатории. В этот день  
принимал глав врач сан-городка ХИВ- Кандя Шерстеникин. Посмотрев  
ногу он тут же выписал мне направление в сан городок.  
-Этот больной наш, пусть не медленно идет к нам. Тогда я только  
по наслышке знал о сан городке. Но скоро стал не только оче-  
дем но и действующим лицом этого городка смерти.  
В этот день я распрощался с бригадой Ивана Трофимовича. Пока я  
иди в барак, собирал свое не мудреное имущество. Вытряхнул стру-  
из матраса и подушки, прихватил чашку с ложкой, как дефицитны-  
предметы в хозяйском обиходе и снова вернулся в амбулаторию, на-  
чик уже знал что я списываюсь с пятого лагпункта. Снова заше-  
в амбулаторию, что бы взять направление. Переступив одной ногой  
до амбулатории



рог и с трудом пёбетянув другую бросил в угол свои пожитки и сам свалился на них. Нога моя так заняла, что я не мог удержаться от слёз. Кой как взгромоздил ноющую ногу на узел сам свалился пол, пролежал возможно с полчаса, нога начала отходить, хотя боль не утихла окончательно. Дверь открылась в комнату где я лежал шел молодой паренек статистик УРБ.

-Как ваша фамилия? Спросил он. я ответил. Вас немедленно прсит себе зав УРБ, Я даже выругался. так мне было больно и физиче и морально.

-Ни куда я не пойду. не могу ~~я~~ видишь? <sup>6</sup> полу не подняться. Но ренек тоже был ~~зек~~ и настойчив и в то же время добрый к людям. Он поднял меня подхватив под мышки, потом обнял за талию как рышню и почти не касаясь пола повиснув на нём я пошел с ним.

Зав Урб увидев нас улыбнулся.

-Что это за объятия? Спросил он.

-Видите ли у него ноги болят илти не хотел, так я его доставил неволе.

-А.а.а. Протянул начальник. Ну мы его сейчас "подлечим". Паренек поса меня на табурет около стола начальника.

-Фамилия имя и отчество, Спросил он снова не давая мне прийти себя от непонятного выражения "полечим". Статъя? срок?

-Когда мы были в Семипалатинске нам объявили, что статья пятьдесят восьм переквалифицирована Верховным судом Каз ССР на статью УКАЗ о седьмого августа 1932года. и срок снижен до десяти лет.

-Что ж выходит ты имееш с поражением тридцать пять лет? Улыбаясь сил он снова.

-Да нет, Хотел я объяснить ему, но он ни стал меня слушать, взял стола какую то бумажку протянул мне.

-На вот прочитай и распишись, что тебе известно. Я взял эту бумку быстро пробежал глазами. не поверив своим глазам снова перечит её. Потом прочитал более медленно вдумываясь в каждое слово. Зав J Наблюдал за мной и в то же время радостно улыбался..

-Ну как понял? Спросил он.

-Понял. Ответил я чувствуя как во мне снова закипает воля к жизни ~~не возмощивать~~ ~~за недоказанность преступления~~ ~~статья~~ ~~переквалифицирована~~ ~~на сто~~ ~~вату~~ ~~УК~~ ~~и~~ ~~срок~~ ~~снижен~~ ~~до~~ ~~пяти~~ ~~лет.~~ ~~Понятно?~~ ~~Снова~~ ~~спросил~~ ~~начал~~

ник подавая мне ручку и указывая где расписаться. БЕЗ поражения и без конфинскации имущества. стояло у меня в голове. Конечно имущества то у меня оставалось только двое детей и жена. о которых ни чего не знал с тех пор как ~~уехал~~ <sup>увезли</sup> из Семипалатинска. Теперь мне оживала надежда на встречу с ними, а ради этого стоило жить ~~любых~~ <sup>любых</sup> условиях, перенести все невзгоды и горечь разлуки. Я перест. чувствовать даже боль в ноге, И без помощи я добрался до амбулато



ПАЛАТКА № 10

Сан городок расположен от лагеря в нескольких километрах. Добрался я до амбулатории сан-городка почти ползком. Ноги мои совсем отказали. Народу на приём оказалось очень много. Все больные все нуждались в посторонней помощи. Лавируя между лежащими на полу и сидевшими около стенок, я пробрался в угол сел на пол, и почувствовал, что больше не поднимусь, все мои мышцы ослабли, голова закружилась, я закрыл глаза впдая в полу забытьё.

Когда приём заканчивали, санитары обнаружили меня в углу. Перенесли в приёмную врача, Врач посмотрел мою ногу и холодно бросил.

-В палатку номер десять. Меня подхватили на носилки донесли до какого то на первый взгляд сруба, открыли замок у двери. Когда внесли в палатку, я потерял ориентир. я только почувствовал, что меня засунули куда-то на верх, санитары ушли. в палатке кроме стонот ни чего не было слышно. Сколько раз я открывал и закрывал глаза все было темно. Сколько прошло времени я не знаю, только глаза привыкнув к темноте стали различать силуэты нар и копошащихся на нарах живых существ. Нары оказались двух этажными ~~и не~~ сплошными, ~~а о промежуток~~.

Я попробовал окликнуть соседа, в ответ получил лишь слабый звук похожий на голос умирающего. Значит тут одни фитили подумал я, да я не ошибся, через несколько времени пришли санитары с фонарем, прошли мимо всех нар, заглядывая на них и освещая фонарём, у некоторых нар они останавливались, стаскивали труп клали на носилки, открывали какую то дверь в которую проникала полоска света, уносили носилки, возвращались снова, до тех пор пока обходили всех, не которым приносили пищу. Принесли чашку баланды и мне, я её выпил и ни чего не спрашивая снова лег на своё ложе. Теперь мне всё стало понятно. Дойдёт очередь и меня вынесут в эту дверь. Прошло два дня. ни кто нас ~~на~~ кроме санитаров не смотрел, а санитары аккуратно делали свое великое дело, уносили нечистоты и мёртвых, приносили новых фитилей <sup>предназначенных</sup> догорать и до последнего дыхания вливали нам в рот <sup>из ртомой банки</sup> кружку <sup>(баланды)</sup>.

Однажды ночью я проснулся от того, что боль в ноге утихла. Я пошевелил ногой, она не только пошевелилась но даже могла согнуться.

Но когда я согнул её, по ноге потекло что-то теплое. в это время пришли санитары, один из них с фонарем подошел ко мне,

-Браток дай мне спичку. Попросил я.

Что куришь? Здесь курить не полагается.

- Нет ~~не~~ курю мил человек, а просто хочу посмотреть на свои ноги.

- Ну ладно на! он бросил мне коробку со спичками и пошёл делать свое великое дело. Я приподнялся и даже смог сесть, с трудом и



горем снял с себя штаны и кальсоны, зажег спичку и пока она горела я вытирал кальсонами желтую жидкость, бежавшую из от крившейся раны на ноге, а она текла как лава из прорвавшегося вулкана излавая зловоние. Когда прекратились выделения снял я с себя и рубашку разорвал её на ленточки, смастерил из них бинт и забинтовал ногу попробовал спуститься с нар, удалось мне и это, но в это время услышал на дворе шорох. с трудом на сколько мог быстро влез на свои нары укрылся бушлатом и лёг. Прошёл очередной обход санитаров, я снова спустился в низ. теперь в полумраке ориентировался я хорошо. Прошел к тому месту от куда врывалась к нам полоска света и убедившись что эта дверь на замок не закрывается попробовал её открыть. Это оказалось тамбур, но наружная дверь в тамбур оказалась запертой. Тут в тамбуре лежали ~~и~~ трупы, ~~вынесенные в последний момент~~ <sup>укладывали как добычу в штабелё и их тапёрами коротким т.к. труп был нечистым</sup> ~~интерский обход.~~ Вернувшись я влез на свои нары лёг, но теперь сон меня оставил. в голове перегоняя одна другую неслись мысли.

Я вспомнил когда нас привезли на Колыму в город Магадан в Ситцевый город как тогда называли его за палатки. В самом городе было несколько домов, другие дома находились в процессе стройки, а пересылка помещалась вся в палатках. палатки да и сам город разделённый на несколько зон окружен колючей проволокой. и заборами.

Я решил тогда пробраться в УРЧ то есть в Учетно распределительную часть пересылки, Для этого мне пришлось несколько раз перелезати через забор рискуя быть снятым стрелками, через заграждение колючей проволокой. До УРЧ я добрался благополучно, а когда меня спросили по какому вопросу? я пожаловался на то, что мне в Комсомолске на Амуре не правильно заполнили формуляр в том отношении, что срок у меня ни двадцать, а десять лет, зав УРЧ ответил,

—Какая разница, двадцать или десять?

Разница большая. сказал я. Десять лет я возможно проживу, а двадцать не надеюсь. И тогда зав УРЧ не стал больше со мной разговаривать. Вызвал конвоира и меня водворили в пересылочную палату. Только теперь я понял, что разницы между десятью и двадцатью года действительно не существует. Даже сейчас когда у меня осталось только четыре года, я могу стать окоченевшим трупом и меня вынесут при последующем обходе санитары в тамбур. От этой мысли сразу стало холодно, я старался укрыться бушлатом, но дрожь настолько завладела мной, что справиться с ней я был не в состоянии. Тогда я к то машинально напялил штаны, надел телогрейку и бушлат слез с на и вышел снова в тамбур. На право в тамбуре окно. Оно небольшое без стекла. У меня мелькнула мысль бежать из этого убежища для мертвых. Я снял бушлат выбросил его в окно, чем и отрезал себе отступление. Приподнявшись ~~на одном из трупов~~ <sup>на трупе и окне</sup> я ухватился за выступ стены и ногами в перед полез на улицу. Окно оказалось не высок



от земли поэтому я легко мог спуститься в низ. Я надел выброшенную одежду, выбрался на дорогу и пошел к палаткам расположенным поселком. Я прошел половину поселка без мысли без направления. Я шел пока меня остановил человек стоявший у одной из палаток, — Эй браток! Ты куда так рано? Я растерялся но переводя дыхание ответил.

Я с Пятого лагпункта. Ищу хирургическое отделение.

—Ах вот оно что, видно, что новенький. Ну попал ты правильно это и есть хирургическая. Ты заходи, <sup>врачей</sup> ~~здесь~~ там нет ни кого, рано еще. Там одни больные добавил он видя мое смущение. Я вошел, пробрался опять в уголок и сел, теперь я боялся, что меня узнают, если обнаружат мое исчезновение из палатки номер Десять. Но тут оказалось тепло я подсунул голову под полу бушлата и задремал. Сколько я спал не знаю.

—Ты чего тут? Спросил меня человек толкнув в плечо. я открыл глаза и не поднимая головы боясь встретиться взглядом с санитаром ответил Я с пятого лагпункта. Нога болит.

Пойдем в приёмную. Сказал человек помогая мне подняться. Он завел меня в хирургическое отделение и поддерживая сказал.

—Раздевайся. Я снял ~~брюки~~ штаны. Почему без кальсон?

Кальсоны я выбросил, вот из ноги побежала сукровица я их перемазал и выбросил, а рубашку изрвал на бинт. Он посадил меня на табуретку, разбинтовал ногу, ни слова не сказав мне только покачал головой, обработал мне рану сделал перевязку и только тогда сказал Пойдем я покажу тебе койку. За перегородкой палатки лежали больные среди этого помещения стояла пустая койка.

—Вот ложись тут и не вставай. Он ушел. Больных и тут было много. но мне было не до них я всё еще боялся что меня начнут искать.

—На этой койке ночью умер один, от гнойного абсцеса. Сказал мне сосед.

А мне всё равно ответил я укрываясь одеялом первый раз за все время как я ушел с пятого лагпункта. Наступил обычный день. В палатку вошли санитары уборщики и сказали, что

—Сегодня будет больных проверять глав врач, постарайтесь поддерживать чистоту. В одиннадцать часов в нашу палатку вошел глав врач ~~на~~ ~~того~~ лагпункта. Который меня направлял в сан-городок.

—Почему долго не являлся на прием? где был? я промолчал хотя так и подмывало сказать, что делается у него в сан-городке, и особенно в десятой палатке, но я побоялся и решил от молчатся. А вопрос как видно его и самого интересовал мало.

—Разбинтуйте ногу. Приказал он мед брату.

—Мг. Придётся ампутировать ногу. Посмотрев на рану Сказал он. и показал линию ампутации по выше колени.



Нет! Запротестовал я. Ногу резать не дам.

-Ты же умрёшь от гангрены.

~~Без ноги~~ не дам. Умру, вы обо мне плакать не будете, пачками иммирают ни кто не плачет. Я хочу умереть с ногами.

-Значит не хочешь что бы ногу отрезать и спасти жизнь.

-Жизнь моя так и так пропащая, и с ногами далеко не уйдешь, а без неё и домой идти не захочешь. Врач встал и отошёл от меня не сказав ни чего и лечащему звячу, тому который обработал мою ногу первый раз. Пусть будет что будет но без ноги жить не хочу. Думал я пока врач осматривал остальных больных. После обхода глав-врача ко мне подошел тот человек который мне первый раз делал перевязку и указал кровать, это тоже оказывается был врач хирургического отделения. Он снова обработал мою ногу. Наложил новую повязку. и хотел уже уйти. Как вас зовут? спросил я.

-Для чего вам?

Так не знаю кому спасибо говорить? А вы этого заслуживаете.

-Зовут меня Иван Петрович. Я сам нахожусь с вами на одном положении. и от меня очень мало зависит ваша участь. Вот только и могу что раны обработать на совесть.

И на том спасибо, спасибо за вашу добрую душу. Иван Петрович ни чего не ответил мне перешёл к другому больному и так же тщательно стал промывать рану на руке.

На второй день когда мы совершенно не ожидали обхода глав врача Шерстеникин снова пришел к нам и с ним пришёл главный хирург. с ними пришел Иван Петрович, Все трое они прошли прямо к моей койке, Иван Петрович подал табурет Шерстеникину, Второй мне под руку. Иван Петрович разбинтовал мою ногу, Нога черная и опухшая представляла зрелище не из приятных. И снова Шерстеникин как и вчера предложил.

-Ну как не надумали решится на операцию?

-Нет не надумал, и не дам резать, Вы и сами знаете что при цинготном абсцессе ампутация противопоказана. Почему же вы настаиваете мне это не понятно, а умирать все равно, только с ногой вроде веселее. Ответил я. Хирурги переглянулись и ничего не говоря главный хирург наклонился над моей ногой, взял пинцет и долго рылся в ране, как в потухшем кратере.

Как ваше мнение товарищ Мирзоев? Обратился Шерстеникин к глав хирургу. Всё еще изучавшему рану.

-Будем лечить, Ответил тот подавая пинцет Ивану Петровичу, Заидите ко мне за лекарством. И они все трое вышли из палатки, Теперь я убедился, что меня или не узнал шерстеникин или ему было без различно от куда явился я к нему или просто забыл о том, что направлял меня в палатку номер десять.



Моя нога всё ещё покоилась на табуретке с открытой раной. Но минут через пятнадцать вошел Иван Петрович. Подошел ко мне и рану засыпал каким-то белым порошком. *(в порошок сыпал)* Вот теперь так засып твою ногу, что во веки не испортится. Смеясь сказал он. Забинтовал и вышел.

-Так говоришь с ногой умирать веселее? Спросил сосед лежавший с права от меня.

Конечно. А вдруг и на том свете заставят ходить на работу, как пойду? Ответил я стараясь шутить.

-Кажись находились на этом, Весь ад прошли, а рай то видать только обещают. Из покон веков обещают рай, а всё в аду варимся.

-Дорая то говорят путь узок. Отозвался сосед слева, Раньше говорили. что в рай попасть ни легко, легче верблюду в игольные уши пройти, чем рабочему человеку в рай,

Вот зажила бы нога, а там ад хоть рай, всё едино какнибудь три с половиной года шагал бы, Детей повидать хочется, без отца живут. Жинке нелегко с двоими тоже поди не в рай сидят. Хоть бы письмо получить.

-Давно тут?

Год скоро.

-Всех пять? Чего ж с таким сроком на Север попал?

-Двадцать было. Москва скостила, Может и полностью разберутся?

-Да, а, а Протянул сосед ежели бы разбирались по порядку, столько людей не гибло.

-Где там по порядку разбираться? Вот тут и то два мнения, один говорит ногу резать надо, другой говорит лечить будем, а ежели бы сразу лечили то и говорить бы не о чём было. до такой степени болезнь не дошла бы, Да что говорить Сразу хорошее дело поставишь оно и пойдёт хорошо до конца, а на партачиш сначала, потом и путаешься пока на правильный путь попадёшь. Много лесу наломали.

Когда молодой да крепкий вырастет?

-Да лес рубят щепа летит! Как бы про себя сказал сосед с права он мечтал вслух, одухотворённое лицо его казалось горело замирая и жизнь как вода всё течёт и течет, где ровно, а где бурливо.

где берега сдерживают, а где и разольётся, и затопит. всё что на пути встретится и опять войдёт в берега и подвластная законам природы смиритесь и пойдёт по старому а иногда и по новому руслу, с новыми препятствиями, перебиваясь через новые пороги и заливая новые места. А люди как щепки на этой воде, то собьются вместе, то разойдутся гонимые волнами и кто доплывет до своей тихой пристани, кто погибнет в пучине, не доживя века. Он замолчал. Повел лицом к стене, Замолчали и мы ни желая нарушать сон товарища. В палатке стало темнеть, потом стало совсем темно *и только,*